

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МОСКОВСКИЙ
международный
кино
фестиваль
19.06–26.06.2015

#5
(121)

Мипо О
Я очень люблю матрешек!
Mipo O
I am a big fan of Russian dolls!

Владимир Хотиненко
Мое сегодняшнее ощущение –
апокалиптическое.
Vladimir Khotinenko
The major feeling I recently have
is apocalyptic.

ГОРА ДЕВСТВЕННОСТИ

Реж. Дагур Кари

VIRGIN MOUNTAIN

Dir. Dagur Kári

БУДЬ ПАИНЬКОЙ KIMI WA I KO

стр. 3

МИЛЫЙ ХАНС, ДОРОГОЙ ПЕТР

стр. 4

В ОДИНОЧЕСТВЕ SOLOS

стр. 5

НАСЛЕДНИКИ

стр. 6

ЗЕМЛЯ КАРТЕЛЕЙ CARTEL LAND

стр. 7

FRED BREINERSDORFER

JURY

Fred Breinersdorfer wrote 12 novels and a number of short stories and plays, while his most known works are his scripts for movies, TV movies, TV-series and shorts. He received world renown as a writer and co-producer for «Sophie Scholl: The Final Days» when the movie was nominated for the 2006 Academy Award (Best Foreign Language Film). His newest feature as writer and producer, «13 Minutes» directed by Oliver Hirschbiegel, premiered at the 2015 Berlinale and is already sold around the world. Upcoming is Fred Breinersdorfer's version of «The Diary of Anne Frank».

- As we know, the history knows no "if"s. But what do you think would have happened if Georg Elser, the protagonist of your film "13 minutes", had really killed Hitler?

Fred Breinersdorfer: I think the Second World War would have been different as not only Hitler but also Goebbels and Goering would have disappeared from the political stage. I doubt the country leaders of the "second grade" would have started such a large-scale war. France and Britain would have joined the war, but USSR and Germany would have been satisfied with dividing Poland according to the Molotov-Ribbentrop Pact. The situation where there are Nazis in Central Europe and communists in the East would have stabilized. The regimes wouldn't have been strong enough for the Cold War. Eventually they would have disappeared, but in a completely different way. We in Central Europe would live now in a very racist system with strong economy.

- What did you learn about Elser? It might be difficult sometimes to ignore the legends and try to find some new truth. Was it difficult for you?

- Some people believe he was narrow-minded, only focused on one thing. And he was young, he loved freedom, loved women. Gradually he became a thinking man who knew exactly what was going on. And it was not so difficult to see what would happen because it was just 20 years since the First World War at that time! The memories were still fresh. And then the Nazi regime started creating a propaganda machine. What they did, they didn't do in secret. They presented themselves as heroes, we can see it in the film. They didn't enter Czechoslovakia or Austria in silence, they did it like heroes. They didn't bomb Guernica secretly. And if you remember the First World War, you must have this fear it will happen again. Elser's four uncles, his father's brothers, were killed in the war.

And what interested me.... You know, my parents were Nazis. My father was part of the SS and fought in Donetsk. And all my parents learnt in the Second World War was that Germany was defeated by Jews, Americans and communists. This is what I heard as a child. This is why I was so interested in what Elser had done. I wanted to realize what this simple guy saw that my parents couldn't or didn't want to see.

- I don't want to sound cynical but it seems you tried to make this film entertaining. How did you find the balance between talking about such an important subject and filling the film with energy?

- The thing is, history itself is suspense. You can make up anything, but what history invents is always better. We had a wonderful director and actors, a great crew, that's why we were able to make a very dynamic film that keeps the audience in suspense all the time. And I'm very proud of being part of this crew.

Interview by Peter Shepotinnik

Жюри / Фред Брайнерсдорфер

МНЕНИЯ СТОРОН

Фред Брайнерсдорфер написал двенадцать романов, огромное число рассказов, театральных пьес, а больше всего известны многочисленные его сценарии к кинофильмам, телевизионным картинам, сериалам и короткометражкам. Мировую известность ему принесло его участие (в качестве автора сценария и продюсера) в картине «Последние дни Софии Шолль», которая была номинирована в 2006 году на «Оскар» как лучший иностранный фильм. Последняя на сегодняшний день его работа, «13 минут», была впервые представлена на Берлинском кинофестивале и вскоре выходит в прокат по всему миру. Следующим сценарием Брайнерсдорфера, который будет экранизирован, станет его версия «Дневника Анны Франк».

- Как известно, история не знает сослагательного наклонения. Но что случилось бы, если бы ваш герой Георг Эльзер («13 минут») все же убил Гитлера?

Фред Брайнерсдорфер: Я думаю, Вторая мировая война была бы другой, потому что со сцены сошел бы не только Гитлер, но и другие «вожди»: Геринг, Геббельс.... Я сомневаюсь, что руководители более низкого ранга смогли бы развязать столь масштабную мировую войну. Думаю, ограничилось бы войной

с Англией и Францией, Германия и СССР удовлетворились бы на пакте Молотова-Риббентропа, и ситуация, когда в центре Европы фашисты, а на Востоке – коммунисты, стабилизировалась бы. Можно представить, что обе системы были недостаточно сильны для Холодной войны, поэтому погибли бы, но с совершенно другим результатом. В результате, в Центральной Европе мы бы жили в очень расистской системе, хотя и экономически мощной. Видимо, так.

- Что вы смогли узнать об Эльзере? Бывает трудно отказаться от легенд и докопаться до правды. Вам было трудно в этом отношении?

- Есть легенда, что он был несколько ограниченным, замкнутым на одной цели. Но на самом деле он был молодым, любил женщин, свободу, постепенно начал превращаться в думающего человека, который хорошо понимал, что происходит. Не так-то трудно было предвидеть, что произойдет, потому что после Первой мировой войны прошло всего-то 20 лет. Память была свежа. А когда нацистский режим начал создавать систему пропаганды, он не делал из этого секрета. Нацисты выставляли себя героями: мы видим это в фильме. Они не вторгались в Чехословакию или Австрию украдкой, – они вошли туда как герои, они не скрывали

бомбежку Герники... А если ты помнишь Первую мировую, ты должен бояться, что это случится снова. Эльзер потерял на Первой мировой четверых дядь, братьев его отца.

А что особенно интересовало меня... Вы знаете, мои родители были нацистами. Мой отец служил в СС. Он воевал в Донцке. И все, что мои родители вынесли из ужаса Второй мировой, – это что Германию победили евреи, коммунисты, американцы. Вот что я слышал ребенком. Поэтому меня так интересует то, что сделал Эльзер. Я хотел понять, что такого видел этот простой парень, чего мои мать и отец не видели или не хотели видеть.

- Не хочу показаться циничным, но вы пытались сделать фильм развлекательным. Как вы сумели раскрыть эту очень серьезную тему – и одновременно наполнить фильм энергией?

- Все дело в том, что сама история – это саспенс. Ты можешь придумать что угодно, но история всегда изобретает лучше. У нас был замечательный режиссер, прекрасные актеры. Отличная команда. Поэтому мы смогли сделать очень динамичный фильм, который держит зрителя в постоянном напряжении. И я очень горжусь, что был частью этой команды.

Интервью вел Петр Шепотинник

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

КОНКУРС БУДЬ ПАИНЫКОЙ (KIMI WA IKO) / РЕЖ. МИПО О

Начинающему преподавателю совсем не просто справиться с целым классом в начальной школе: один уже пишет любовные записки, другой может описаться прямо посреди урока, третий обожает задавать наивные вопросы. Слушать преподавателя не хочет, похоже, вообще никто, а правом выйти в туалет во время занятий обязательно должны воспользоваться все поголовно. Да к тому же, приходится отбиваться от вечно недовольных чем-то родителей: то не так посмотрел на ученика, то без достаточного уважения обратился к малышу, а то и вовсе нужно принимать меры, потому что опавшие со школьных деревьев лепестки сакуры создают беспорядок во дворе по соседству. Молодой учитель не злится, не впадает в истерику, не отчаивается. Он открыто и с обезоруживающей улыбкой признает свои промахи, изо всех сил пытается выполнить все безумные требования. Он от всей души хочет помочь своим ученикам, наивно полагая, что одно его появление в доме заставит отчима изменить свое отношение к мальчишке, а когда едва держащийся на ногах пьяный мужчина захлопывает дверь перед его носом, не проявив никакого уважения к сэнсэю, – так и остается ошарашено стоять на улице. Старушку, страдающую начальными формами деменции, вежливо (это же все-таки Япония, а не Санкт-Петербург), но жестко останавливает продавщица на выходе из супермаркета за то, что та забыла оплатить покупку. Бьется в истерику потерявший ключ от дома мальчик-аутист. Маленькая дочка прекрасно знает, что если сделает что-то не так, мать как следует отругает ее, а дома может еще и избить. Нет, молодая женщина вовсе не садистка и удовольствия от побоев не получает. В какой-то момент занесенная для удара рука застывает в воздухе, и женщина, разрыдавшись, бежит в ванную, где, давась слезами, судорожно сжимает

запястье со следами ожогов от сигарет – память о ее собственных «милых» родителей. Насилие порождает насилие. Как же разорвать этот порочный круг? Да очень просто: добро должно порождать добро, – к такому немодному нынче выводу приходит режиссер. Доброта спасет мир. Если уж и не всему миру, то хотя бы тому, кто рядом, помочь наверняка можно. Вот учитель и дает ученикам необычное задание: попросить, чтобы дома их кто-нибудь крепко-крепко обнял (кошки – хоть и, вне всякого сомнения, являются членами семьи, – не засчитываются). Испытав это приятное ощущение, малыш захочет им с кем-то поделиться, и тогда хорошего на свете станет чуть больше. И что же?

Все шалуны вмиг исправились, а ребята теперь ловят каждое слово учителя? Выздоровел мальчик-аутист, а у бабушки исчезли симптомы болезни? Конечно, нет, и ребята все так же шумят и ехидничают, но – кто смущаясь, а кто насупившись, признает, что да, им было приятно. И почему-то хочется поверить, что в жизни что-то чуть-чуть изменится к лучшему. Мипо О твердо верит, что в каждом человеке изначально заложено именно добро, просто мы почему-то очень боимся это показать и слишком заботимся о том, что о нас подумают окружающие, нередко принося в жертву «имиджу» благополучие, а то и счастье своих близких.

Мария Теракопян

BEING GOOD / KIMI WA IKO

COMPETITION DIR. MIPO O

A beginner teacher has a hard time dealing with a whole class of primary school children: one is already writing love letters, another can pee right in the middle of the class-room, the third enjoys asking tricky questions, no one seems eager to listen to the teacher and absolutely everyone feels bound to use the legitimate right to leave for the toilet. To top it off, he has to fight off constantly dissatisfied parents with their complaints: the teacher's overly attentive gaze scared her son, the teacher was not polite enough when addressing her boy, the teacher must do something about the sakura petals which make the yard next door look untidy. The young teacher does not get angry, hysterical or desperate. He openly acknowledges his blunders with a disarming smile and tries to

do his utmost to meet the impossible requirements. He is sincerely eager to help his students, naively believing that his visit alone will make a stepfather change his attitude to the little boy, but when the thoroughly drunk man slams the door in his face, the sensei remains standing in the street utterly puzzled. An elderly woman suffering from the initial stage of dementia is politely (after all this is Japan and not St. Petersburg) but firmly stopped as she is leaving the supermarket with the groceries she has forgotten to pay for. An autistic boy is hysterical because he has lost the key from his house. A little girl knows perfectly well that for the slightest misbehavior her mother will tell her off and probably beat her when they get home. The young woman is not sadistic though,

slapping her daughter does not give her pleasure. At some point the arm raised to deliver a blow freezes in mid-air, and the woman rushes to the bathroom where, choking back tears, she clutches her wrist with cigarette marks – the memory of her own “sweet” parents. Violence gives rise to violence. How can one break the vicious circle? The answer is simple: good must give rise to good. This is the unfashionable conclusion the filmmaker arrives at. OK, so we can't save the entire world, but we surely can help someone next to us. So the teacher gives his students an unusual assignment: they are to go back home and get somebody to give them a hug (cats, though undoubtedly part of the family, sadly do not count). Having experienced this pleasant feeling, the child will want to share it

with somebody else, and the world will become a slightly better place. So? Have all naughty children become perfect students eager to catch the teacher's every word? Has the autistic boy recovered? Has the old lady stopped showing symptoms of her ailment? Of course not. The children are as noisy and derisive as ever, but shyly and sullenly they acknowledge that yes, the experience was pleasant for them. And for some reason you are tempted to believe that our world will indeed become a little bit better. Mipo O is convinced that every human being is inherently good, but somehow we are afraid to disclose it and are too worried about what others might think about us, often sacrificing the wellbeing and even happiness of our nearest and dearest for the sake of the “image”.

Мария Теракопян

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

КОНКУРС МИЛЫЙ ХАНС, ДОРОГОЙ ПЕТР / РЕЖ. АЛЕКСАНДР МИНДАДЗЕ

Не слишком педалируя тему сотрудничества СССР и Рейха перед началом войны (так что российские чиновники от культуры пугались зря), Александр Миндадзе, скорее, ставит вопрос о природе диктатуры вообще, тесно сплетает в своей картине предчувствие большой крови – и стилистику «вперед, больше чугуна и стали», которой дышал едва ли не весь советский кинематограф тех лет. Правда, в советском кино это было связано с телячьей радостью бытия и искренней романтикой «жертвы ради дела». В «Милом Хансе» от этой стилистики остаются только вагонетки и серые косынки заводчанок: «большой проект», над которым работают в едином порыве и четыре немца, и тысячи русских, лишен не только романтики, но и понимания целей. Нет, фактическая-то цель ясна: выплавить оптическое стекло, – но не эмоциональная; тем не менее, главный инженер, Отто, все же испытывает сильные эмоции, круша мутные кристаллы. Это интересный вопрос – почему, и это только начало вопросов, связанных с четверкой, которая то дерется, то обнимается безо всякой немецкой сдержанности (Петр в ее жизни участвует мало, но присутствует «на фоне» в довольно интересных амплуа, один раз, кажется, даже в качестве Бога). Вот, скажем, да, – почему такая бурная реакция (хотя где-то к середине проговаривается: где-то этих немцев

ждут дети, семьи), – но это же не их родина, не их завод, и не их «больше чугуна и стали». Мы ступаем в зону тем, намеков, символов, рисующих четверку застрявшими где-то «между», в безвременье. Они нетвердо знают, что тут у этих русских происходит – ну да, вроде, всюду ищут вредителей (произносится с усмешкой, равнодушной, как о новостях с Альдебарана, а когда «милый Ханс» взрывает печь и останавливает завод, по этому поводу царит немыслимое для той эпохи прекраснотушение). Они здесь чужие, им тут спокойно, даже слишком: то и дело оказывается, что кто-то понимает их речь, хотя они привыкли говорить в толпе громко, как в пустой комнате. Но интереснее, что точно таким же Альдебараном оказывается Рейх. Оторвавшись от гитлеровской Германии, они отпускают точно такие же равнодушные шуточки про тамошние порядки, НСДАП и факельные шествия. Уехав в СССР, они будто так и не узнали до конца, что случилось там, но, паря над здешней жизнью, как в воздухе, не узнали и того, что тут. Закрадывается мысль, что такая отстраненность – единственная форма того, чтобы, как минимум, «не участвовать, не состоять» в мерзостях эпохи и примерно догадываться о ее истинном лице. Забавно, что германская четверка оказывается в этом смысле «сверхчеловеками» (обладателями силы, недоступной другим), но вовсе не так, как это имела

в виду нацистская идеология или даже советское кино о чугуне и стали. За это, конечно, приходится платить, и четверку «плющит» так, что выживут не все: их приступы, фобии, мании, истерики, поступки, не поступки обличаются в череду эпизодов, когда каждого будто вращает, как шестеренку, но все они разомкнуты и движутся в разные стороны и с разной скоростью. Собственно, кажется, что этому ритму поддается и Миндадзе, потому что одни его эпизоды напоминают новое прочтение классических сцен, другие – гэги, доходящие до хулиганства, третьи – исключительной красоты картины (кто бы мог подумать, что зрителя способен довести до экстаза процесс упаковки оптического стекла). Но все это многообразие создает слаженную симфонию, которую невозможно разобрать на составляющие или до конца расшифровать. Можно накладывать трафареты. К примеру, одна из «фишек» этой симфонии – то, что камера отъезжает в самый неожиданный момент, и детали полного плана вдруг преображают смысл сцены или ее настроение, причем, чаще всего жестко сбивают наметившийся было пафос. Если наложить трафарет исторический, то это такой отъезд камеры от рубежа 30-х – 40-х, оказавшегося чудовищным по обе стороны границы. Если накладывать трафарет философский, то я даже боюсь предположить – от чего отъезжает камера.

Игорь Савельев

– Вы впервые сделали исторический фильм. Как и почему вы открыли для себя этот жанр?

Александр Миндадзе: Я шел по линии собственных ощущений и эмоций. Когда на меня неотвратимо надвигается что-то, я волнуюсь и не знаю, что это. Но некая планета по имени Война на меня надвигается. В этом смысле – я экранизировал свои ощущения, себя. Что, собственно, всегда и происходило со мной, потому что по-другому я не умею. Я работал интуитивно, когда писал сценарий, а вот на съемках было уже легче, потому что я все понимал.

– А как чувствовали себя на съемочной площадке немецкие актеры? Они попали в вашу волну?

– На сто процентов. Совершенно неожиданно им оказалась близка наша российская сценарная запись, уже канувшая в лету: ремарочная часть. Они никогда раньше с ней не работали. Они были этим невероятно возбуждены, оказалось, что им нужны эти ремарки: там, в Германии, они работают по «лестницам», в таком, скажем, индустриальном кино. В этом отношении у них хуже, чем у нас. Мне сразу вспомнился Олег Иванович Борисов, который говорил мне: «Не вздумай убирать ремарки. Это мое. Это мой хлеб».

– В финале фильма Ханс вступает в ряды солдат. Он ведь мог этого не делать? Зная, что есть такая страна, которая хоть немного стала для него родной... А он возвращается туда убивать.

– Он возвращается поневоле, потому что предчувствует фатальность, единственный из всех. Снаряд этой войны уже разорвался в его груди, поэтому он так странно себя ведет, не отвечает взаимностью Гретте... Он снова приезжает сюда, потому что это уже его исход, неизбежность. На самом деле, я когда-то читал воспоминания немецкого танкиста, который въезжал в маленький городок и знал все улицы, потому что еще недавно участвовал там в совместных учениях и ходил по этим улицам на танцы, к девушкам... Меня кольнуло это ощущение: эта перемена участи.

Интервью вели Ася Колодижнер и Петр Шепотинник

МАЛЕНЬКИЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

8 ½ ФИЛЬМОВ

ГОРА ДЕВСТВЕННОСТИ (FUSI) / РЕЖ. ДАГУР КАРИ

Тонкая «Гора девственности» Дагура Кари с громадным тяжеловесным протагонистом Фудзи (Гюннар Йонсон) – фильм скромный и щемящий. Гвоздь программы Berlinale Special, который мог вполне украсить и основной берлинский конкурс. Но заурядная на равнодушный взгляд исландская кинореальность, но герой, лишенный эксклюзивной характеристики, теперь привлекают только фестивальные маргиналии.

Дагур Кари родился и вырос во Франции, учился в датской киношколе, где сейчас обучает режиссуре. Герой его второй картины – девственник, перешагнувший сорокалетие и живущий с мамой, гораздо более бойкой, чем сын. К тому же – имеющей веселого бойфренда, которого она боится упустить из виду. И – в конце концов – теряет.

Фудзи служит носильщиком в багажном отделении аэропорта. Его жизнь расписана неизменным распорядком. По пятницам он завсегдатай тайского ресторана, где никогда не разнообразит меню, предпочитая однажды избранное блюдо и не искушая свой вкус. Пьет он исключительно молоко, но привычки этого огромного фактурного человека с нежной душой никак не связаны с его «ограниченностью». Раскрывается он (а порой и взрывается) неожиданно и естественно для себя. Хотя для выходок нужен повод. Работники аэропорта решают покончить с девственностью грузчика-добряка. Зазывают на мужскую

вечеринку проститутку, из лучших, как им видится. Фудзи громит доброхотов, влезаящих не в свое дело. А отдается милый грузчик иной страсти – игре в войнушку. Его партнером в этой отдушине, в битве танков с солдатами на обеденном столе, выступает немолодой сосед, тоже желающий развеять исландскую скуку. Или просто-напросто поденную рутину. Кажется, что жизнь «девственной горы» расписана наперед, не угрожает хоть малейшими переменами. Но вдруг появляется в его доме новая соседка, девочка лет шести-семи, с которой Фудзи, чистому дитяте, легко и приятно общаться. С ней он играет в войну, ее катает на машине. Но люди-то подозрительны. Не верят в бескорыстную дружбу, а может, и в любовь. Фудзи видится педофилом и вынужден объясняться в полиции. Но исландские менты не идиоты. Не поддались ложным наветам. Новый вираж в биографии застарелого девственни-

ка – подарок на день рождения: абонемент в школу танцев. Смущенный дядя знакомится с немолодой теткой, изнуренной общей нескладухой своей жизни. Она разгребает мусорные отходы, стыдясь столь не женственной участи. А мечтает она продавать цветы или шоколад. Однако Дагур Кари никакой сентиментальностью зрителей и своих персонажей не душит. Не завлекает. Благородная сдержанность чувств, самой пластики фильма лишает простенький, казалось бы, сюжет мелодраматических перегрузок. И плебейской настырности.

С мусорщицей Фудзи, по амплуа Дон Кихот, пройдет колоссальный путь внутреннего освобождения от своих фрустраций и одиночества. А для этого совсем необязателен хэппи-энд. Зато необходим импульс к пробуждению внутренних ресурсов. Причем любого человека. Обыкновенного, однако – неординарного.

Зара Абдуллаева

ЧЕТЫРЕ

ТРОПИЧЕСКАЯ ЗИФОРΙΑ

В ОДИНОЧЕСТВЕ (SOLOS) / РЕЖ. ЖОАННА ЛОМБАРДИ

Это вторая режиссерская кинопроба перуанки Жоанны Ломбарди. Первая ее картина называлась «В доме», была довольно успешна, получила много фестивальных наград, но в кинотеатрах прошла быстро и незаметно. Фильм, работа над которым заняла несколько лет, в который было вложено столько душевных и физических сил, через неделю проката канул в небытие. Это горькое чувство кинорежиссера отрефлексировано в картине «В одиночестве». В ней четверо героев – женщина-режиссер и трое мужчин, ее сотрудников и друзей. Всем немного за тридцать. Вместе они сделали кино и теперь едут через джунгли по деревням, чтобы бесплатно показывать его людям на большом надувном экране. По дороге они непрестанно болтают – обо всем на свете, в том числе о сексе, и немного о кино. Мы знаем энное количество фильмов в жанре «кино о кино», но этот – один из самых оригинальных. Недавно в России показывали турецкую ленту «Почему я не Тарковский?»: этот вопрос задавал себе молодой режис-

сер, видящий сны из «Сталкера», но вынужденный снимать дешевую заказуху. Женщина-режиссер из фильма Ломбарди подобных вопросов не задает, она находит возможность для самовыражения и даже необходимый мини-бюджет для этого. Драма наступает на следующем этапе, и вопрос формулируется иначе: кому нужно авторское независимое кино, лишенное рекламной поддержки и патронажа профессиональных дистрибуторов?

Поход по перуанским джунглям завершается для четверки героев на минорной ноте. Кино оказалось почти никому не нужным, за месяц горе-прокатчики собрали человек сто зрителей. Вечером на поляне они разворачивают экран и смотрят фильм своей теплой компанией: это одиночество вчетвером превращается в почти сакральный ритуал. Таковы они – герои современного авторского кинематографа, у которого все меньше и меньше зрителей, все меньше места в кинотеатрах, – и которое, кажется, умирает. Но это ведь только кажется?

Елена Плахова

На канале ДОМ КИНО – лучшие фильмы ММКФ

Всю неделю до 28 июня на канале ДОМ КИНО, Тематическом канале «Цифрового Теле-семейства» Первого канала, ретроспектива фильмов-призеров ММКФ. Зрители ДОМ КИНО увидят лучшие фильмы фестиваля разных лет. В эфире ДОМ КИНО: «Братья Карамазовы» Ивана Пырьева с Михаилом Ульяновым в главной роли,

«Космос как предчувствие» Алексея Учителя, «Шапито-шоу» Сергея Лобана, «Путешествие с домашними животными» Веры Сторожевой, «Палата №6» Карена Шахназарова и другие фильмы «Золотой коллекции» ММКФ.

ПРОГРАММА НА САЙТЕ WWW.DOMKINO.TV

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЕВ

8 ½ ФИЛЬМОВ НАСЛЕДНИКИ /
РЕЖ. ВЛАДИМИР ХОТИНЕНКО

На новый фильм Владимира Хотиненко, который, несомненно, станет событием в российском кино, сложно писать рецензию. Это помимо того, что трезвой аналитике всегда мешает радость узнавания, в данном случае – зашкаливающая, поскольку режиссер метко попал в самую точку, в нерв российской действительности. Досмотрев до финальных титров, понимаешь, что этого фильма не могло не быть, он родился из атмосферы всеобщего ора в бесконечных ток-шоу, многообразных «идеологических» разлагольствованиях, звучащих сегодня из каждого утюга. Все это сгустилось настолько, что «Наследники» будто появились сами, спрессованные из воздуха, как где-то в горных породах прессуется алмаз. Во-вторых, сама форма «антибайопика», использованная здесь Хотиненко (съемки фильма о Сергии Радонежском были приурочены к 700-летию святого), порождает желание писать «антирецензию», текст, который так же легко опрокидывал бы сами законы жанра. «Можно было снять о житие преподобного многомиллионный блокбастер, но в нем не было бы ответов на вопросы, которые актуальны для нынешней России», – скромно и без затей объясняет режиссер в интервью, и продолжает: «Неспроста 700-летие Сергия Радонежского совпало со сложным периодом в истории нашей страны. Мне кажется, в этом совпадении есть некий высший смысл». Точно эти же слова произносит с экрана один из героев. Это уже «в-третьих»: буквально все, что можно (и нельзя) сказать, в самом фильме уже проговорено. Он предельно вербален, да, к тому же, афористичен: кажется, что реплики невозможно не выписывать и не цитировать, и самим текстом из фильма можно было бы сказать гораздо больше и точнее, чем текстом о фильме. Сами слова, риторика, воплощенные в них идеологии, игра со штампами массмедиа здесь так важны, что на второй план отходит, кажется, все,

что традиционно считается главным для кино. Это и визуальный ряд: Хотиненко максимально упрощает задачу, практически не выводя действие из одной скромной декорации, да и все прочие зрительные образы, вроде бы «сочные» (вроде чуел динозавров и священника на их фоне), кажутся здесь малосущественными. Это и работа с образами: за героями закреплены маски, и сделано все, чтобы без лишних «усложнений» это так и оставалось (и мы можем нетвердо помнить, кто тут Владимир, а кто Герман, и у кого что болит, но изначально знаем, что этот – профессиональный «патриот», тот – «политолог», и особого «развития» не будет). Наконец, это и упрощенный настолько, насколько это вообще возможно, сюжет. К 700-летию Сергия Радонежского снимается очередное телевизионное ток-шоу, для архитектуры которого сам святой, на самом деле, не важен: оно собирается из готовых блоков, как из кубиков, из правильных слов о народности, духовности и патриотизме, рассуждений о том, «зачем это (историческая правда) детям» и

народу вообще, из воплей об Украине, идиотизма гламурных певичек (в роли vox populi) и... Продолжать здесь можно (и хочется) до бесконечности. Далее закручивается интрига, из которой, помимо прочего, мы можем сделать вывод, что телевизионщики – в силу своего профессионального цинизма – более других способны к некой регенерации. К умению мигмом подстроиться под изменчивый мир (причем это в равной степени касается как конъюнктурности, так и способности к прозрению-перерождению). Может, потому, что они ежедневно видят грубую изнанку декораций: публика восторженно рукоплещет, только когда ей показывают картонку «Аплодисменты». Говорить, что Хотиненко развивает здесь традицию «Репетиции оркестра» Феллини, было бы лишним; стоит сказать лишь о закономерности, которая высвечивается сходством двух картин: максимальное упрощение того, как сказано, способно довести то, что сказано, до максимальной глубины.

Игорь Савельев

АНГЕЛ ИСТРЕБЛЕНИЯ

ФИЛЬМЫ, КОТОРЫХ ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО
КЛУБ (EL CLUB) / РЕЖ. ПАБЛО ЛАРРАИН

На окраине чилийского городка стоит мрачноватый дом, который населяют четверо немолодых священников и одна монашка. Такой расклад в монастыре – если это монастырь – несколько странен, но это самая маленькая странность в картине Пабло Ларраина. Священники не молятся, не истязают свою плоть, они хоть и не роскошествуют, но все же ухитряются совсем неплохо жить, попивать красное вино и зарабатывать на собачьих бегах. Вскоре в дом приходит еще один священник, отец Ласкано. С его появлением начинаются проблемы: бородатый бродяга, окопавшийся

вблизи странного дома, громовым голосом кричит на всю округу, что отец Ласкано в детстве растлил его. Это – завязка скандала, в центре которого настоящий элитный «клуб»

церковных греховодников, которых Ватикан отправил подальше от своих глаз и держит под дистанционным надзором. Ларраин берет за основу большой стиль европейских классиков и словно опускает его в кислоту. «Клуб» напоминает абсурдистские притчи Бунюэля и лучшую из них – «Скромное обаяние буржуазии». Разумеется, острие критики направлено на властную верхушку церкви, которая покрывает грехи служи-

телей культа и фактически плюет на страдания их жертв. Растлители оказываются в одном и том же порочном круге со своими жертвами, будучи развращены и коррумпированы, так что история с бородатым бродягой начинает отдаленно перекликаться с двумя другими бунюэлевскими шедеврами – «Виридианой» и «Тристаной». Бородач по сути олицетворяет нечистую совесть «святых отцов»; пытаясь расправиться с ним, они хотят избавиться от терзающих воспоминаний. Но тщетно: после испытанного сотрясения конструкция церкви восстанавливается в своей неизблемости. Растлители по-прежнему пребывают в одной связке с жертвами, и в констатации этого факта заключена убийственная ирония. Вот он – тот язык, на котором свободный художник должен разговаривать с клерикалами, не боясь оскорбить чувства истинно верующих.

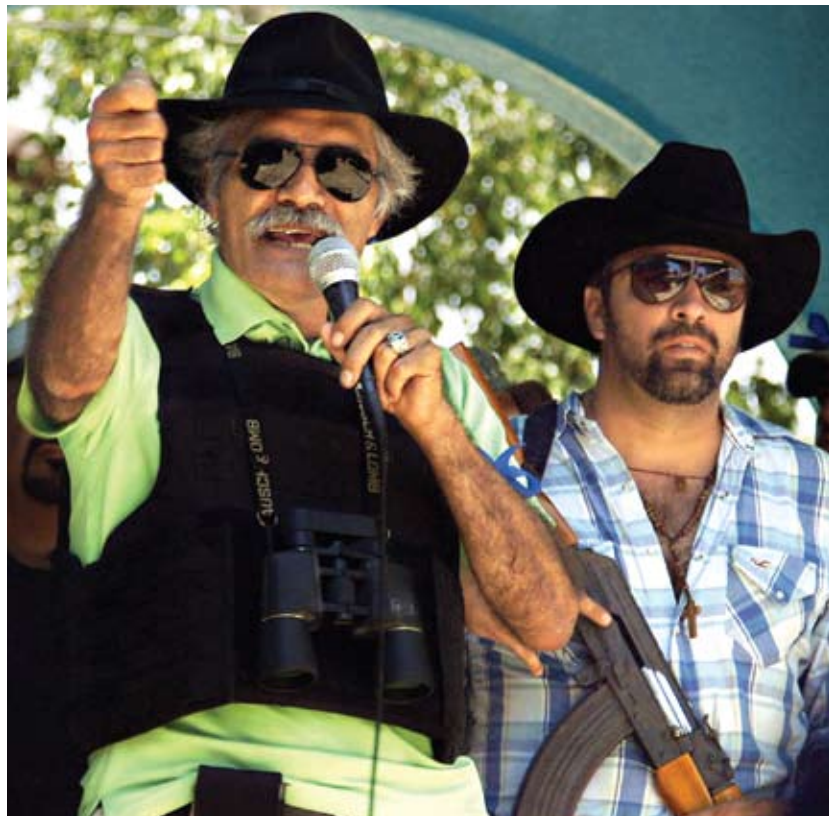
Елена Плахова

ГРАНИЦА

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

ЗЕМЛЯ КАРТЕЛЕЙ (CARTEL LAND) /
РЕЖ. МЭТТЮ ХЕЙНЕМАН

Ночь. Лучи фар выхватывают из темноты группу людей в масках. Их руководитель на переднем плане буднично сообщает: «Мы варим мет». И продолжает: «Мы будем делать это до тех пор, пока это угодно богу». Сцена, которая куда органичнее смотрелась бы в одном из эпизодов сериала «Во все тяжкие», открывает повествование о кровопролитной борьбе мирного (хотя с течением фильма это определение становится все более косвенным) населения приграничного мексиканского городка с оккупировавшими окрестности наркокартелями. Пока официальные власти с телеэкранов утешают мозги избирателей пропагандой, жители города считают реальные потери. Приготовление и сбыт амfetаминa провоцирует хаос и повсеместные человеческие жертвы. Так начинается история появления местной организации самозащиты. По сути – обычных добровольцев. В своей гражданской жизни они заняты вполне будничной работой: торговец в супермаркете, механик в мастерской. А в выходные выходят на рейд против наркоторговцев. Один из их лидеров – и один из немногих, кто не скрывает своего лица, – простой сельский врач, решивший взять в руки винтовку и заняться тем, чем должна заниматься полиция. При обилии

персонажей и сюжетных линий, фильм в первую очередь – хроника гражданского сопротивления именно этого почтенного седого джентльмена с пышными усами и широкополой шляпой. Наконец, по ту сторону границы своими доводами на этот счет делятся американские пограничники – суровые парни с легкой небритостью и тяжелой амуницией. Все вместе это превращается в отборный психологический триллер в лучших традициях «Соломенных псов» Сэма Пекинпа. С одной поправкой: на экране раздается не треск пиротехники, а свист реальных пуль. Бесстрашно ныряя в гущу любой перестрелки, камера подбирается вплотную к героям этой смертельной борьбы за свободу, равенство и братство, которые каждый из них понимает столь по-разному. Повсеместная двойственность задач и мотиваций, когда защитники деревень со временем все больше начинают напоминать их захватчиков, – богатая почва для социальной драмы с открытым финалом. В нем бывшие наркоторговцы оказываются поглощенными официальными властями – так, что теперь они смогут совмещать приготовление мета со службой государству, – а самый непримиримый идеалист оказывается за решеткой.

Никита Карцев

РОДИНА

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

ЮНЫЙ ПАТРИОТ (A YOUNG PATRIOT) /
РЕЖ. ДУ ХАЙБИНЬ

Потрясающая история взросления 19-летнего Чжао Чаньтуна, яркого патриота не только своей страны, но и коммунистической партии. Истинный оплот идеалов великого Мао. Фильм – классический роман воспитания. Только роль воспитанников исполняет сам герой. Никаких комментариев за кадром, никакой подтасовки кадров. Только персонаж – один и тот же герой – наедине со своими мыслями. За чуть больше, чем полтора часа экранного времени мы увидим примерно четыре года из его жизни, за которые он успеет попасть в университет (первым в своей большой семье), в качестве волонтера отправиться учить маленьких детей в отдаленную провинцию, лишиться дома, близких родственников и первых иллюзий. Главная находка режиссера, его ключевой художественный прием – это сам Чжао. Точнее, искренность и страсть, с которой он бросается на защиту своих идеалов. Однако уже в самом начале фильма заложена, как мина замедленного действия, самая обычная банка кока-колы. Юный патриот, одетый в военную форму, рьяно размахивает государственным флагом, чеканит правительственные лозунги и песни. Но стоит ему отойти от места публичной демонстрации, как он извлекает из кармана ту самую газировку. Он повторяет одну за другой фразы о том, как идеологически вредно распивать

американский напиток во время патриотического действия, однако выбрасывать банку не торопится. С каждым годом, сталкиваясь со все новыми реалиями жизни современного Китая, Чжао обнаруживает в себе все больше вопросов к правительству. Кажется, еще чуть-чуть – и он превратится в рьяного оппозиционера. Но нет, в фильме не идет речи о полном разочаровании. И к финалу Чжао не перестает быть как юным, так и патриотом. Вот только само это чувство становится глубже и объемнее.

Как режиссер всюду следует за своим героем с видеокамерой, так юный Чжао не выпускает из рук фотоаппарат. Все это превращает фильм в наблюдение за наблюдателем. Но если мы (вслед за режиссером Ду Хайбином, актуальным и хорошо известным китайским документалистом) так и останемся сторонними свидетелями поразительной трансформации Чжао, то в его руках (и в его голове) – подлинное будущее Китая. Страны, чьим патриотом он себя по-прежнему искренне считает.

Никита Карцев

MY GOOD HANS

COMPETITION

DIR. ALEXANDR MINDADZE

In his film Alexandr Mindadze doesn't put too much emphasis too much on the delicate matter of the USSR and Reich cooperation before the beginning of WWII (proving that Russian bureaucrats were losing their sleep in vain over this), but instead tries to convey the premonition of the morbid "there will be blood" feeling, as well as the reminiscent of the Soviet cinema of that time. It should be noted though that in classic Soviet war films the same aesthetics was directly tied to opportunistic joy of living and the genuine romanticism of sacrificing yourself for the "greater good". In "Good Hans" this stylistic mostly exists in a form of recognizable factory trucks and the grey headkerchiefs of factory girls: all the while the big project that thousands of Russians and the four German protagonists are all engaged in, lack either romanticism or even a clear understanding of a goal. No, the formal goal is quite clear – simply to burn-out optical glass – but not the emotional one (even though one of the characters, Otto, becomes clearly emotional about crashing opaque crystals). It is a captivating question – why exactly that's the way things are – but this also marks the starting point for many other questions regarding four German protagonists, who fight and hug each other without any sense of traditionally expected from Germans reserve (Pyotr doesn't really take part in these characters' lives, but is constantly in the background playing the most unexpected roles – one time, he even seems to be playing God).

So, the question remains, why such an emotional reaction because of some crystals? After all, it's not their home, not their factory, not their professional exploit! All we end up having is a bunch of allusions, hints and symbols suggesting these four have been tragically stuck somewhere "in between" where time doesn't matter or runs its traditional course. They aren't really sure what's going on with these strange Russians – all they're able to make out of it is that saboteurs are suspected to be working undercover at the factory. But every conversation regarding this comes with an obvious sense of irony – as if this concerns something very distant, like news that came from Mars; and when "their good Hans" blows up the furnace and stops the factory's work, it is met with absolutely unimaginable for those times stary-eyedness. They remain strangers here, although they feel absolutely safe – at times even too safe, as it turns out there's always someone who understands what they're talking about – and all of them are used to talk out loud always, as if they were alone in an empty room.

The curious thing is, they start perceive Reich in the same way – as if it was some distant planet. Having spent some time away from the Nazi Germany, they start making apathetic jokes about the country's course, NDSAP and torchlight processions. Having departed for the Soviet Union, they seem to have never fully realized what happened with their homeland, but neither had fully engaged in what was going on here. It almost seems as if such intentional distancing is the only way to avoid even tangentially participating in the horrors of the era. Ironically, these four Germans come off as something like "superhumans" – but not at all in the way Nazi ideology had implied.

But being "superhumans" comes with a price, of course, and so the four protagonists suffer so much that not all of them will make it to the final credits: their hysterics, fears, phobias and doings come together in a kaleidoscope of episodes that make it abundantly clear that all four of them don't correspond well to each other, as they are moving in the opposite directions. It seems as if Mindadze has caught up with the same rhythm as well, as some of the scenes look like new iterations of classic episodes, some come off as sort of vulgar gags, and some become pure imagery magic – I mean, who would have thought that the process of packing optical glass could be so painfully beautiful? But all these multicolored parts come together in synch as a whole work of art that can't – and shouldn't be – analyzed piece by piece. All you can

do is apply different stencil plates to it. For example, one of the peculiar things about the cinematography style here is that the camera tends to zoom out at the most unexpected moments, giving the audience a sudden full realization of the wide shot's details, often changing the perception of the scene in general. If you try to apply a metaphorical stencil place of history to that – it can be perceived as the authors' zooming out from the edge of 30s and 40s, which turned out to be too horrifying not to try and turn away. But if you try to apply a metaphorical stencil plate of philosophy here, I'm afraid to even try to guess what the camera zooms out from.

Igor Savelliev

- This is your first historical film. How did you discover this genre for yourself?

Alexandr Mindadze: I was following my own feelings and emotions. When something's imminent, I don't know what it is and get nervous. There was a planet called War moving towards me. So in this sense I transferred myself and my feelings onto the screen. Which is actually what I always do, because I simply cannot do it any other way. When I was writing the script, I did it intuitively, but on the set it was much easier, because I knew what I was doing.

- And how did German actors feel on the set? Were they on the same wavelength with you?

- Yes, 100%. Quite surprisingly, they felt comfortable with the specific feature of the Russian scriptwriting that has long since sunk into oblivion: stage directions. They had never worked with them before and were quite excited. It turned out they needed them as in Germany they work in, so to speak, industrial cinema. In this respect their situation is worse than ours. I thought at once about Oleg Borisov, who once told me: 'Don't even think about deleting the stage notes! They're mine! My daily bread!'

- In the finale, Hans joins the army. But he didn't have to do it, right? Knowing there's a country that feels at least a little bit like home to him. But he returns there to kill.

- He returns against his will, as he's the only one who senses this fatality. The bomb of this war has already exploded in his chest, that's why he behaves in such a weird way, can't reciprocate to Greta, for example... He comes back because it's inevitable, it's his destiny. In fact, I once read the memoirs of a German tank driver who was entering a little town and already knew all the streets, because only recently he had taken part in common drills and walked the same roads for dancing parties, to see girls... I was interested in this concept, this change of his fate...

Interview by Asia Kolodizhner and Peter Shepotinnik

VIRGIN MOUNTAIN / FUSI

8 1/2 FILMS

DIR. DAGUR KÁRI

Dagur Kári's "Virgin Mountain", with its corpulent protagonist Fúsi (Gunnar Jónsson), is simple but at the same time heart-wrenching. The highlight of the Berlinale Special program would have been a true gem of the Moscow Film Festival competition program too. But it seems no one but the festivals are now attracted by the dark (for an indifferent viewer) atmosphere of Iceland and a character that at first glance can't boast of any particularly exclusiveness.

Dagur Kári was born and raised in France and graduated from a Dutch film school where he now teaches directing. The main character of his second film is a virgin in his forties who lives with his mother. Incidentally, she's much more adventurous than her son and has a merry boyfriend she's afraid to lose – but eventually does nevertheless.

Fúsi works as an airport luggage handler. His life is strictly structured. On Fridays he invariably goes to a

Thai restaurant and invariably makes the same order, preferring the dish he chose once and for all and avoiding temptations. The only thing he drinks is milk. However, the habits of this huge man with a sensitive and tender heart have nothing to do with narrow-mindedness. He opens up, or sometimes explodes, in unexpected yet very natural ways. Although such revelations require an excuse.

His fellow airport employees decide to put an end to the big and kind-hearted guy's virginity. They throw a men-only party and try to "treat" Fúsi to the best – in their opinion – a prostitute. Fúsi starts a fight with the "well-wishers" who stick their noses in other people's affairs. He has a passion of a different kind: recreating WW2 in miniature. His companion in following the battles between soldier and tank models on the kitchen table is an elderly neighbour who also wishes to disperse boredom and distract from routine.

It seems the future of this "virgin mountain" is clear and won't demonstrate even the slightest changes. But then a new neighbour moves in his apartment block – an eight-year-old girl, and for Fúsi, who remains a true child inside, talking to her is a real pleasure.

He plays mock battles with her and drives her in a car, but people always think the worst. They don't believe in pure friendship – or indeed pure life. They suspect Fúsi of being a pedophile, so he has to give an explanation to the police. But Icelandic police officers are not stupid and don't believe slander.

The life of an elderly virgin has an unexpected twist when he is given a card to a dancing school as a birthday present. There the embarrassed man meets a middle-aged woman who is sick and tired of the general mess her life's in. She is a cleaner and is ashamed of such an unfitting for a woman job. She dreams of selling flowers or chocolate.

But Dagur Kári doesn't stifle his characters and his audience with excessive sentiments. Noble emotional and structural reserve allows the director to avoid cheap melodramatic effects and lowbrow cheek. The cleaner will allow Fúsi, a totally Quixotic character, to embark on a long quest of liberating from his frustration and solitude. And this quest doesn't require a happy ending. What it does require is an impulse to awake his inner resources. And that is true for all of us – ordinary yet unique.

Zara Abdullaeva

SOLOS

TROPICAL EUPHORIA

DIR. JOANNA LOMBARDI

This is the second feature film of Joanna Lombardi, a Peruvian director. Her first movie "Casadentro" was quite successful and received awards at many festivals, but its screenings in cinema went practically unnoticed. The film that took its author so much time, physical and psychological effort to make, sank into oblivion just one week after the cinema premiere.

The director's bitter ended up being reflected in her new film "Solos". There are four main characters: a female director and three men, her friends and coworkers, all in their thirties. They've made a movie together and are now travelling through the jungle from one village to another to show it free of charge on a big inflatable screen. Along the way they chat about everything – a bit about sex, and a bit about cinema.

There are plenty of such "films about films", but this is one of the most original ones. A Turkish movie "Why can't I be Tarkovsky?" has recently been shown in Russia; this is the question a young director asks himself as he dreams of scenes from "Stalker" but is forced to work on cheap commissioned projects. The female director from Lombardi's film doesn't pose such questions to herself, she finds a way to express herself and is even able to get the necessary – quite scarce – budget. The drama awaits at the next stage, and the question sounds differently: who needs indie cinema that is not advertised and has no support of professional distributors?

The four characters' travel through the Peruvian jungle ends on a low note: it turns out practically no one is interested in the film. In a month, the unfortunate "distributors" weren't able to attract more than a hundred viewers. In the evening they unfold the screen and watch the film in their warm company of four; this solitary screening turns into an almost sacred ritual. Such are the heroes of the modern indie cinema that gets fewer and fewer viewers, less and less screenings, and seems to be dying altogether. But that's just how it seems, isn't it?

Elena Plakhova

SUCCESSORS

8 1/2 FILMS

DIR. VLADIMIR KHOTINENKO

It's hard to write a review for Vladimir Khotinenko's new film that will undoubtedly be very significant for the Russian cinema for several reasons. First, because rational analysis is obstructed by the joy of recognition, which in this case goes off scale, as the director hits the very nerve of the current Russian reality. Getting to the final credits, you realize this film was simply bound to happen. It was born as a result of endless talk shows and their idle shouting and "ideological" rhetoric which can be heard today on every corner. Their concentration got so high "Successor" practically appeared out of thin air, created by pressure like a diamond in the rock. Second, because this film is, so to speak, an 'anti-biopic', as one would expect the movie designed to mark the 700th anniversary of a saint to do it in a slightly different way. This makes you want to write an 'anti-review' that would also break all the genre rules. 'We could tell the saint's story by shooting a multi-million-dollar blockbuster, but then it wouldn't have posed questions relevant for Russia,' explained the director, adding, 'It is not by chance that Sergius of Radonezh's 700th anniversary happens in such a complicated period of our history. I see some higher meaning in it.' One of the characters also says these exact words. Third, because everything that can be said is already said in the film itself. Everything is verbalized to the extreme and quite aphoristic. One can't help writing the lines down for future reference, and the text taken from the film would be much more precise than any text written about it. The words, rhetoric, ideologemes, playing with media clichés are so important in this film that everything which is traditionally believed to be important in cinema somehow moves to the background. That is the case with the visual images: Khotinenko makes the job easier for himself by basically keeping the action within one small set. All the other images which might at first seem very juicy, like a priest with dinosaur dummies in the background, end up being quite insignificant. That is also the case with characters: they all act according to a certain pattern and continue to do so until the end. We might confuse Vladimir and German and forget what exactly is the problem with each of them, but we know one is a professional "patriot" and another is a "political scientist", and there's not much development in this sense. At last, the plot is also simplified to the extreme. To mark the 700th anniversary of Sergius of Radonezh, a new talk show is being created. It's built out of ready blocks: high-flown speeches about national identity, spirituality and patriotism, speakers proving vehemently that children in particular and people in general do not need "this historical truth", pompous words about Ukraine, idiotic glamour pop stars representing "vox populi"... The list can go on forever. Then the plot thickens, letting us make a conclusion that because of their professional cynicism, people who work on TV adapt to new circumstances better than anyone as they are both opportunistic and able to see the light and amend their ways. Maybe that's because every day they see the reverse side of the shining set: the audience only applauds when they are shown the sign telling them to do so. It would be unnecessary to say that in this film Khotinenko continues great Fellini's tradition of

"Orchestra Rehearsal". It's enough to point out the rule derived by the two films: simplifying the way of expressing something often makes the meaning especially deep.

Igor Savelyev

THE CLUB / EL CLUB

MISSING PICTURES

DIR. PABLO LARRAIN

On the outskirts of a Chilean town there's a dark house inhabited by four elderly priests and a nun. That seems to be quite a strange situation for a monastery – if indeed it is a monastery, but that almost comes out as normal comparing to the rest of Pablo Larrain's film. The priests do not pray or mortify the flesh, and although they can't boast of any particular luxury, from time to time they enjoy a bottle of red wine and make some money on dog track.

Soon another priest turns up at the house – father Lazcano. That gives rise to certain problems: a bearded tramp loafing around the house screams blue murder that Father Lazcano seduced him when he was a child. That's the beginning of the scandal that centers around a true elite "club" of sinners from the Church whom Vatican has sent away and keeps under constant observation.

Larrain takes European classic's grand style and, so to speak, immerses it in acid. "The Club" resembles Buñuel's absurdist parables in general and the best of them – "The Discreet Charm of the Bourgeoisie" – in particular. Of course the strongest criticism is pointed against the Church leaders, who cover up the clergy's sins and basically don't give a damn about the victims' sufferings. The corrupt seducers wind up in the same vicious circle with their victims, and the story of the bearded tramp starts resonating with two more of Buñuel's masterpieces, "Viridiana" and "Tristana". The bearded guy in fact impersonates the guilty conscience of the priests; by trying to get rid of him, they really try to escape the torturing memories. But in vain: after a shock, the church stays as unshakeable as it was. The seducers and their victims remain in the same boat, which is deadly ironic. And this is the language a free artist should use to talk to the clergy without being scared they'll hurt the feelings of true believers.

Elena Plakhova

CARTEL LAND

DOCUMENTARY FILM COMPETITION

DIR. MATTHEW HEINEMAN

In the middle of the night, headlights illuminate a group of people in masks. In the foreground, their leader explains matter-of-factly, 'We're cooking meth'. And adds, 'We're going to do it while there's still God's will to it'. The scene that would look much more natural in one of the episodes of "Breaking Bad" is the beginning of the story of a cruel fight between the peaceful (although this definition becomes more and more relative throughout the film) residents of a town on the Mexican border against drug cartels that have occupied the surrounding territories. While the official government brainwash the voters with propaganda streaming from TV screens, the residents of the town calculate their losses. Cooking and distribution of amphetamines led to chaos and casualties. This was how the local self-defence organization appeared. In their "peaceful" life these people have mundane jobs, like a shop assistant at a supermarket or a mechanic at a car shop. However, during weekends they embark on a raid against drug

dealers. One of their leaders – who also happens to be one of the few that are not afraid of showing their faces – is a doctor who has decided to take up arms and start doing something that usually is the responsibility of the police. There are many characters and plot lines in the film, but first and foremost it's a chronicle of the resistance put up by this respectable gentleman with a thick moustache and a wide-brimmed hat. At last, on the other side of the border American frontier guards, tough unshaven guys sporting heavy guns, will also share their opinion on the matter.

Combined, all these elements make a rare psychological thriller that keeps up the spirit of Sam Peckinpah's "Straw Dogs". Only one thing's different: it is not pyrotechnics but real bullets piercing the air on the screen. Bravely diving in the heart of any skirmish, the camera comes right up to the heroes of this cruel fight for liberty, equality and fraternity – the notions that each of the characters understands differently. Total ambivalence of the tasks and motives, when the defenders of the villagers start resembling their occupants more and more, offers rich soil for a social drama with an open finale. Ex-drug dealers become part of the official government and can now combine making meth and serving the country – and the most passionate idealist winds up locked behind the bars.

Nikita Kartsev

A YOUNG PATRIOT

DOCUMENTARY FILM COMPETITION

DIR. DU HAIBIN

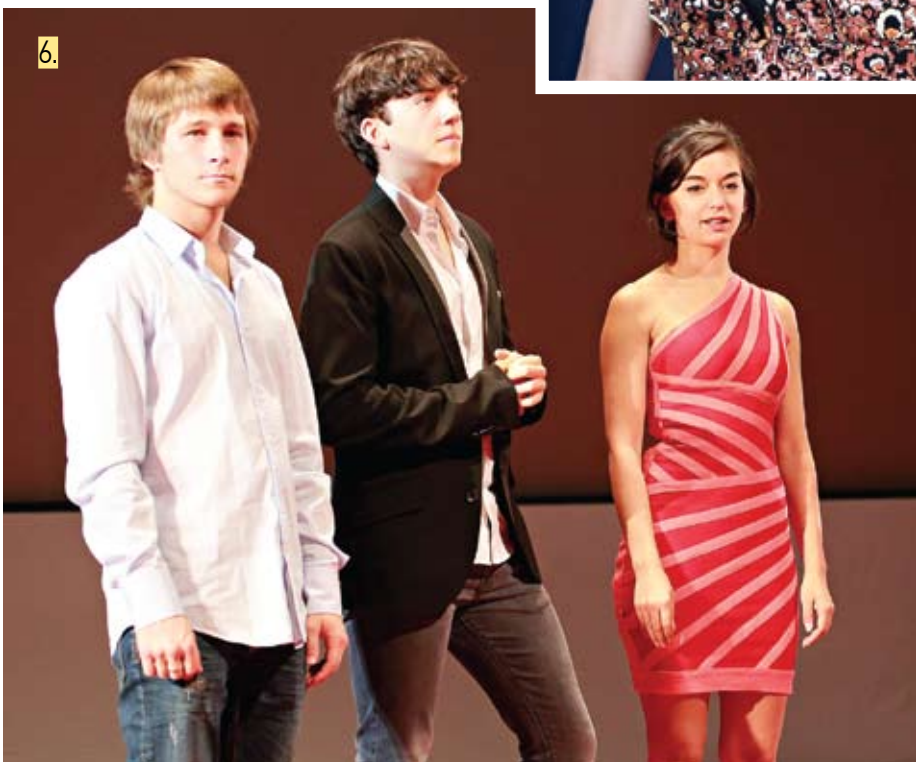
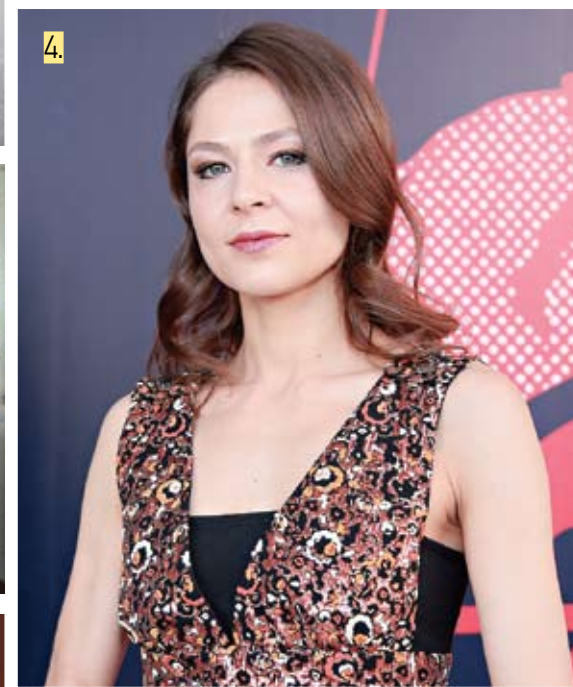
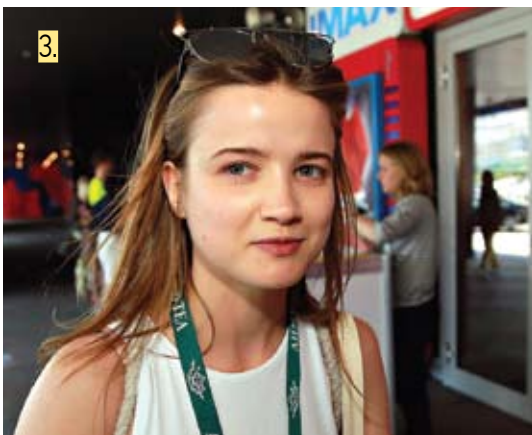
This is a fascinating coming-of-age story of a 19-year-old Zhao Chantong, a dedicated young patriot of not only his homeland country but the Communist country in general, the epitome of Mao's great ideals. This film is a classic "educational novel", only the educating part here lies on the protagonist's shoulders. No off-screen commentary, no cheating with visuals. The film wholly revolves around its main character and his thoughts. During about 90 minutes of screen time we will witness four years of his life – in which he manages to enter university (being the first to do so in his rather big family!), volunteer to go and teach small children at a remote province, lose his home, his relatives and his illusions.

The main aesthetic tool that the director uses here is Zhao himself. Or, to be precise, the frankness and passion with which he insists on defending his ideals. There is one crucial thing here though: a Coca-Cola can is planted at the very start of the film as if it was a ticking time bomb. The young patriot dressed in a fancy soldier uniform waves the state standard with genuine enthusiasm and chants the government slogans and songs – but as soon as he steps away from the public demonstration, he immediately takes the said can out of his pockets. He even states, time and again, that drinking this American soda is in poor spirit – ideologically, but isn't able to give it up himself.

As years go by, Zhao sees the reality of life in modern China more clearly and gradually starts questioning the government's actions. It seems like he's only one step away from turning into an actual opposition member – but no, the film isn't about descending into desperation. By the end of the movie, Zhao is still young – and he is still quite a patriot. What changes is the feeling of patriotism itself, which becomes deeper and more complex.

Just like the movie's director who follows Zhao with his camera, the boy doesn't let go off his photo camera – turning the film into beholding the beholder. But if we – the audience (together with famous Chinese documentary director Du Haibin) can only witness Zhao's astonishing transformation, the "young patriot" still has the power to actually transform the future of China – the country a patriot of which Zhao still considers himself to be.

Nikita Kartsev

1. Виктор Сухоруков 2. Павел Табаков, Виталий Хаев, Андрей Прошкин
3. Мария Поезжаева 4. Елена Лядова 5. Борис Берман, Ильдар Жандарев
6. Актеры фильма «Герои зла» 7. Павел Костомаров 8. Яна Троянова, Василий Сигарев

24 ИЮНЯ / JUNE, 24		
12:00	ТОТО И ЕГО СЁСТРЫ / <i>TOTO SI SORORILE LUI</i>	ОКТАБРЬ, 2
12:15	Я - НАРОД / <i>JE SUIS LE PEUPLE</i>	ОКТАБРЬ, 5
13:00	ОСЕМЕНИТЕЛЬ / <i>NGUOI TRUYEN GIONG</i>	ЦДК, 1
14:00	ПЯДЬ ЗЕМЛИ / <i>PATCH OF LAND</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
14:15	РЫБА / <i>BALIK</i>	ОКТАБРЬ, 8
14:15	ЗЕМЛЯ КАРТЕЛЕЙ / <i>CARTEL LAND</i>	ОКТАБРЬ, 2
14:30	ОБДЕЛЕННЫЕ / <i>IMENA VIŠNJE</i>	ОКТАБРЬ, 7
14:30	В ПОГОНЕ ЗА МЕЧТОЙ / <i>DREAMCATCHER</i>	ОКТАБРЬ, 5
14:30	ДОРОГА / <i>THE ROAD</i>	ОКТАБРЬ, 9
14:45	ШЛАГБАУМ / <i>TOLL BAR</i>	ОКТАБРЬ, 4
15:00	ЛУЗЕРЫ / <i>КАРЪЦИ</i>	ОКТАБРЬ, 6
15:00	ГЕРОИ ЗЛА / <i>LOS HÉROES DEL MAL</i>	ЦДК, 1
16:00	ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ / <i>ДЪЛГИЯТ ПЪТ КЪМ ДОМА</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
16:00	БУДЬ ПАИНЬКОЙ / <i>KIMI WA IKKO</i>	ОКТАБРЬ, 1
16:15	К 100-ЛЕТИЮ КИНО БОЛГАРИИ / <i>TO THE 100TH ANNIVERSARY OF BULGARIAN CINEMA</i>	ОКТАБРЬ, 4
16:30	ДОРОГАЯ, НЕ ПЕРЕСЕКАЙ ЭТУ РЕКУ / <i>MY LOVE DON'T CROSS THAT RIVER</i>	ОКТАБРЬ, 2
16:45	ЗВЕРИНАЯ ЛЮБОВЬ / <i>TIERISCHE LIEBE</i>	ОКТАБРЬ, 5
16:45	ОРЛЕАН / <i>ORLEANS</i>	ОКТАБРЬ, 7
17:00	КАССИР / <i>GISE MEMUR</i>	ОКТАБРЬ, 8
17:00	РЕКА БЕЗ ГРАНИЦ / <i>MEI YOU HANGBIAO DE HE LIU</i>	ОКТАБРЬ, 9
17:00	ПРИШЕСТВИЕ / <i>THE VISIT</i>	ЦДК, 1
17:15	СМЕРТЬ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ / <i>MUERTE EN BUENOS AIRES</i>	ОКТАБРЬ, 6
18:00	БАССЕЙН / <i>БАСЕЙНЪТ</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
19:00	ВОЛЕЙБОЛ / <i>VOLEY</i>	ОКТАБРЬ, 11
19:00	ЮНЫЙ ПАТРИОТ / <i>A YOUNG PATRIOT</i>	ОКТАБРЬ, 2
19:00	ЖНЕЦ / <i>KOSAC</i>	ЦДК, 1
19:00	МИЛЫЙ ХАНС, ДОРОГОЙ ПЕТР / <i>MY GOOD HANS</i>	ОКТАБРЬ, 1
19:00	КОСМОДРАМА / <i>COSMODRAMA</i>	ОКТАБРЬ, 4
19:15	МОЯ ТОЩАЯ СЕСТРА / <i>MIN LILLA SYSTER</i>	ОКТАБРЬ, 10
19:15	КЛУБ / <i>EL CLUB</i>	ОКТАБРЬ, 9
19:30	АНРИ САЛА И ЛИРИЯ БЕГЕЯ, ЙОХАННА БИЛЛИНГ, ГВИДО ВАН ДЕР ВЕРВЕ / <i>ANRI SALA AND LIRIA BÉGÉJA, JOHANNA BILLING, GUIDO VAN DER WERVER</i>	ОКТАБРЬ, 5
19:30	ГОРА ДЕВСТВЕННОСТИ / <i>FUSI</i>	ОКТАБРЬ, 7
19:45	РЕАЛЬНОСТЬ / <i>RÉALITÉ</i>	ОКТАБРЬ, 6
19:45	ИЗГНАННИЦА / <i>NIRBASHITO</i>	ОКТАБРЬ, 8
21:00	ДАВИД / <i>DAVID</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
21:00	В ОДИНОЧЕСТВЕ / <i>SOLOS</i>	ЦДК, 1
21:15	АТЛАНТИДА / <i>ATLANTIDA</i>	ОКТАБРЬ, 11
21:30	КРИЧАЩИЕ / <i>SCREAMERS</i>	ОКТАБРЬ, 10
21:45	БОЛЬШОЙ ОТЕЦ, МАЛЕНЬКИЙ ОТЕЦ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ / <i>CHA VÀ CON VÀ</i>	ОКТАБРЬ, 4
21:45	КРЫМНАШ / <i>KRYMNASH</i>	ОКТАБРЬ, 6
21:45	ХУЛИГАН / <i>HELLION</i>	ПИОНЕР В СОКОЛЬНИКАХ
21:45	ЛЯ ЛЯ ЛЯ У ПОДНОЖИЯ СКАЛЫ / <i>MISONO UNIVERSE</i>	ОКТАБРЬ, 6
22:00	АН / <i>AN</i>	ОКТАБРЬ, 9
22:00	NO COMMENT / <i>NO COMMENT</i>	ОКТАБРЬ, 2
22:15	КИТАЙСКИЙ МЭР / <i>THE CHINESE MAYOR</i>	ОКТАБРЬ, 5
22:15	НАШ ЗАПАХ / <i>THE SMELL OF US</i>	ОКТАБРЬ, 7
22:30	В ПОДВАЛЕ / <i>IM KELLER</i>	ОКТАБРЬ, 8
22:30	НАСЛЕДНИКИ / <i>SUCCESSORS</i>	ОКТАБРЬ, 1

25 ИЮНЯ / JUNE, 25		
11:15	МОЛОДЕЖЬ ГЕРМАНИИ / <i>UNE JEUNESSE ALLEMANDE</i>	ОКТЯБРЬ, 2
11:30	ДОРОГАЯ, НЕ ПЕРЕСЕКАЙ ЭТУ РЕКУ / <i>MY LOVE DON'T CROSS THAT RIVER</i>	ОКТЯБРЬ, 7
12:30	УГОЛОК КОРОТКОГО МЕТРА / <i>SHORT FILM CORNER</i>	ОКТЯБРЬ, 5
12:45	СОН БАБОЧКИ / <i>KELEBEĞİN RÜYASI</i>	ОКТЯБРЬ, 8
13:00	ЛАРИСИНА АРТЕЛЬ / <i>LARISA'S CREW</i>	ЦДК, 1
13:30	ЮНЫЙ ПАТРИОТ / <i>A YOUNG PATRIOT</i>	ОКТЯБРЬ, 2
13:45	ОРЛЕАН / <i>ORLEANS</i>	ОКТЯБРЬ, 9
13:45	«МОСКВИЧ», ЛЮБОВЬ МОЯ / <i>MOSKVICH IM SER</i>	ОКТЯБРЬ, 7
14:00	ЖЕНЩИНА МОЕЙ ЖИЗНИ / <i>ЖЕНАТА НА МОЯ ЖИВОТ</i>	ОКТЯБРЬ, 4
14:30	ГЕРОИ ЗЛА / <i>LOS HÉROES DEL MAL</i>	ОКТЯБРЬ, 6
14:30	ВЕРНОСТЬ / <i>FAITHFULNESS</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
15:00	ПОЮЩИЕ В ИЗГНАНИИ / <i>CHŒURS EN EXIL</i>	ЦДК, 1
15:45	О МУЖЧИНАХ И ВОЙНЕ / <i>OF MEN AND WAR</i>	ОКТЯБРЬ, 2
15:45	КИТАЙСКИЙ МЭР / <i>THE CHINESE MAYOR</i>	ОКТЯБРЬ, 5
16:00	СОБАЧЬЯ ЖАРА / <i>HUNDSTAGE</i>	ОКТЯБРЬ, 7
16:15	МИЛЫЙ ХАНС, ДОРОГОЙ ПЕТР / <i>MY GOOD HANS</i>	ОКТЯБРЬ, 4
16:15	БУДЬ ПАИНЬКОЙ / <i>KIMI WA IKKO</i>	ОКТЯБРЬ, 8
16:30	АРМИ ЖИВА! / <i>ARMİ ELÄÄ!</i>	ОКТЯБРЬ, 1
16:30	БАССЕЙН / <i>БАСЕЙНЪТ</i>	ОКТЯБРЬ, 6
16:30	БЕТИБУ / <i>BETIBÚ</i>	ОКТЯБРЬ, 9
16:45	СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ / <i>SONS GO TO WAR</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
17:00	ЗЕМЛЯ КАРТЕЛЕЙ / <i>CARTEL LAND</i>	ЦДК, 1
18:00	ПАРАНОРМАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ХАРУКО / <i>HARUKO CHOUJYOUGENSHOU KENKYUJYO</i>	ОКТЯБРЬ, 5
19:00	ТОТО И ЕГО СЁСТРЫ / <i>TOTO SI SORORIE LUI</i>	ЦДК, 1
19:00	НОЧНОЙ КОШМАР / <i>THE NIGHTMARE</i>	ОКТЯБРЬ, 2
19:00	ВСТАВАЙ И БЕЙСЯ / <i>FLORENCE FIGHT CLUB</i>	ОКТЯБРЬ, 7
19:00	МОРЕ И ЛЕТАЮЩАЯ РЫБА / <i>DARYA VA MAHI PARANDE</i>	ОКТЯБРЬ, 1
19:00	ВЕТЕР ЗАБВЕНИЯ / <i>WIND OF OBLIVION</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
19:15	ЛЮБИ, КОГО ЛЮБИШЬ / <i>LOVE THE ONE YOU LOVE</i>	ОКТЯБРЬ, 11
19:15	ПАЗОЛИНИ / <i>PASOLINI</i>	ОКТЯБРЬ, 8
19:30	ГОРА ДЕВСТВЕННОСТИ / <i>FUSI</i>	ОКТЯБРЬ, 9
19:30	ПИЦЦА И ФИНИКИ / <i>PITZA E DATTERI</i>	ОКТЯБРЬ, 10
19:30	СГИНЫ! / <i>MANGE TES MORTS</i>	ОКТЯБРЬ, 6
20:30	КОНКУРС КОРОТКОМЕТРАЖНОГО КИНО / <i>SHORT FILMS COMPETITION</i>	ОКТЯБРЬ, 5
21:00	ЛЮЦИФЕР / <i>LUCIFER</i>	ЦДК, 1
21:15	БОЛЬШОЙ ОТЕЦ, МАЛЕНЬКИЙ ОТЕЦ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ / <i>CHA VÀ CON VÀ</i>	ОКТЯБРЬ, 11
21:30	CITIZENFOUR: ПРАВДА СНОУДЕНА / <i>CITIZENFOUR</i>	ОКТЯБРЬ, 2
21:30	МАНДАРИНЫ / <i>MANDARIINID</i>	ОКТЯБРЬ, 8
21:30	РАССВЕТ НАД ОЗЕРОМ ВАН / <i>VANA TSOVUN ARSHALUYSE</i>	ОКТЯБРЬ, 10
21:30	БЕЗ ГРАНИЦ / <i>NO BORDERS</i>	ОКТЯБРЬ, 1
21:45	ПАЗОЛИНИ / <i>PASOLINI</i>	ЛП
22:00	КРАСНОЕ СОЛНЦЕ / <i>ROTE SONNE</i>	ИЛЛЮЗИОН, 1
22:00	ЛЯ ЛЯ ЛЯ У ПОДНОЖИЯ СКАЛЫ / <i>MISONO UNIVERSE</i>	ОКТЯБРЬ, 7
22:00	СТРИНГЕР / <i>NIGHTCRAWLER</i>	ОКТЯБРЬ, 9
22:30	КОСМОДРАМА / <i>COSMODRAMA</i>	ОКТЯБРЬ, 6
22:30	ТУРНИР / <i>LE TOURNOI</i>	ОКТЯБРЬ, 4
23:59	ЭЙЗЕНШТЕЙН В ГУАНАХУАТО / <i>EISENSTEIN IN GUANAJUATO</i>	ОКТЯБРЬ, 1

ЛП – ЛЕТНИЙ ПИОНЕР ЦДК – ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

37 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
37 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 37 ММКФ / 37 MIFF SPONSORS

